

Бюхер Карл

Работа и ритм

**Рабочие песни, их происхождение, эстетическое
и экономическое значение**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 379.8
ББК 77
Б98

Б98 **Бюхер Карл**
Работа и ритм: Рабочие песни, их происхождение, эстетическое и экономическое значение / Бюхер Карл – М.: Книга по Требованию, 2024. – 162 с.

ISBN 978-5-458-71796-0

В этой книге систематизирован и подвергнут анализу звуковой и словесный материал, накопившийся в процессе чисто экономических изысканий, в частности при изучении древнейших форм рабочей ассоциации. Исследуя производительный процесс и технологию труда у диких народов, Бюхер пришел к тому выводу, что на первых ступенях своего развития работа, музыка и поэзия были органически связаны между собой, причем доминирующим и обуславливающим элементом являлась работа. В книге дается картина зарождения музыкального звука из соприкосновения орудий труда с предметом обработки и поэзии из элементарной рабочей песни. Описывается применение трудовых песен для объединения большого числа рабочих единиц у различных европейских, африканских и восточноазиатских народов. Написанная живым и доступным языком, книга будет интересна самому широкому кругу читателей; она может быть полезна и специалистам - историкам, этнологам, социологам, культурологам, экономистам.

ISBN 978-5-458-71796-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе автора	I
I. Приемы работы у дикихъ народовъ	1
Работа какъ историческая категорія. Существовавшій до сихъ поръ взглядъ на ея развитіе. Возраженія противъ него. Приемы работы у дикихъ народовъ. Свидѣтельства. Несовершенство техническихъ средствъ. Сложность рабочихъ процессовъ. Продолжительность послѣднихъ. Художественность исполненія. Особый мотивъ работы въ издѣліяхъ продолжительнаго пользованія. Его недостатокъ въ вещахъ быстрого потребленія. Гипотеза о побужденіи къ дѣятельности. Танцы. Возврънія Ферреро. Ихъ методологическое значеніе.	
II. Ритмическій строй работы.	12
Два элемента работы. Механизация работы какъ способъ экономичнаго расходванія силъ. Ритмъ. Ритмъ движенія и музыкальный ритмъ. Удвоеніе и умноженіе рабочихъ силъ. Сочетаніе работниковъ. Область рабочаго ритма. Его распространеніе среди дикихъ народовъ. Его соціально-этическое значеніе.	
III. Рабочія пѣсни	20
Искусственное установленіе такта. Пѣніе. Его роль въ рабочемъ процессѣ. Его распространеніе. Его ритмическая несамостоятельность. Виды рабочихъ пѣсенъ.	
1. <i>Одиночная и совмѣстная работа.</i> Пѣсни мельниковъ. Пѣсни при околачиваніи и трепаніи льна. Пѣсни пряхъ. Пѣсни при тканьи. Счетъ въ тактъ кружевницъ. Дѣтское плетеніе изъ луба. Пѣсни при изготовленіи свирѣлей. Припѣвы звонарей. Пѣсни ремесленниковъ. Сельскохозяйственныя, охотничьи и рыбацкія пѣсни. Пѣніе водокачей. Татуированіе и родственныя съ нимъ манипуляціи. Общія характерныя черты. Двойная зависимость.	
2. <i>Работа съ переменнымъ тактомъ.</i> Пѣсни молотильщиковъ. Пѣсни корейцевъ при толченіи зерна. При утрамбовываніи мостовой въ Тунисѣ. Общее заключеніе.	
3. <i>Работа съ равнымъ тактомъ.</i> Передвиженіе тяжестей съ помощью веревки. Нагрузка бочекъ. Пѣсни при вбиваніи свай. Рабочія пѣсни судовщиковъ. Пѣсни гребцовъ. Пѣсни за бечевой. Пѣсни при равномерной ходьбѣ. Пѣсни носильщиковъ. Общее заключеніе.	

IV. Происхождение поэзии и музыки	65
<p>Формальный недостаток изстѣдуемаго матеріала. Постановка вопроса. Ритмическое единство въ тройственномъ видѣ. Ядро его образуетъ работу. Сходство того же сочетанія въ танцахъ. Происхождение поэзии. Сближеніе по содержанію съ работой. Формальная зависимость словеснаго и музыкальнаго ритма отъ движенія тѣла. Рабочій шумъ какъ посредствующее звено. Техника работы, какъ основаніе метрики. Происхождение драматической поэзии. Празднества и обрядовыя движенія съ танцами и пѣніемъ. Происхождение драмы. Происхождение музыки. Превращеніе рабочихъ инструментовъ въ музыкальные инструменты. Танцы, музыка и поэзія, какъ новое тройственное образованіе. Ступени развитія лирики. Эпическая поэзія. Итогъ. Возможность обратнаго построенія хода развитія.</p>	
V. Ритмъ какъ принципъ экономическаго развитія. . .	87
<p>Первоначальное единство человѣческой дѣятельности. Универсальное значеніе ритма у древнихъ. Измѣненія его вліянія соотвѣтственно ступенямъ развитія техники. Недостатокъ орудій у первобытныхъ народовъ. Первые орудія представляютъ часть индивидуальныхъ средствъ. Ритмъ какъ способъ соединенія труда: свободныя трудовыя сообщества; снабженіе орудіями и соединеніе работы у египтянъ. Рабскій трудъ. Болѣе совершенныя инструменты обусловливаютъ профессиональную форму работы. Ритмъ машиннаго періода. Заключительныя замѣчанія.</p>	
Приложеніе	102
Дополненіе	111

I.

Приемы работы у дикихъ народовъ.

Хотя работа является исходною точкой всѣхъ экономическихъ явленій, однако, сущность ея до сихъ поръ рѣдко основательно изслѣдовалась экономистами. Большинство изъ нихъ признають ея абсолютной экономической категоріей и полагають, что сдѣлали все необходимое, если затронули вмѣстѣ съ тѣмъ ея психологическую и социальную-этическую стороны. При этомъ они пытаются отдѣлить ея отъ другихъ видовъ человѣческой дѣятельности — игры, спорта, упражненій въ искусствѣ, движеній тѣла въ видахъ здоровья и т. д., — и, по большей части, усматривають разницу лишь въ различныхъ цѣляхъ той или другой дѣятельности¹⁾. Но прежде всего, казалось бы, долженъ быть еще разъ поставленъ вопросъ — одинаковы ли границы между работою и другими родами дѣятельности на различныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія и, быть можетъ, не подвергается ли измѣненіямъ въ теченіи времени и самая сущность работы?

Правда, въ новѣйшее время много говорятъ о возрастающей интенсивности работы; но подъ этимъ разумѣють лишь измѣняющееся отношеніе количества работы къ рабочему времени, т. е. работу считают качественно неподвижною, одинаковою во всѣ времена величиною, которую можно измѣрять и суммировать, и изъ которой извлекается людьми то больше, то меньше въ извѣстную единицу времени. Такое же воззрѣніе лежитъ въ основѣ понятія объ общественно-необходимомъ трудѣ или рабочемъ времени. Даже сопоставленіе съ физиологическимъ моментомъ работы²⁾, которымъ ранѣе слишкомъ пренебрегали, имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что приходится имѣть дѣло съ обусловленною психически, но неизмѣнною самой по себѣ тѣлесною функціей.

При такомъ воззрѣніи, вся задача изслѣдователя, руководящагося историческимъ методомъ, ограничивается, повидимому, выясненіемъ обще-

¹⁾ Ср. Leo von Buch, *Intensität der Arbeit, Werth und Preis der Waaren*. Leipzig. 1896. Русскій переводъ: Интенсивность труда, стоимость и цѣна товаровъ.

²⁾ Новѣйшую попытку такого рода даетъ Р. Ф. Шубертъ-Зольднеръ въ *Ztschr. für die ges. Staatswissenschaft*, LIII (1896), S. 456 ff.

ственной организаціи работы въ ея исторически измѣняющихся формахъ, и если-бъ онъ пожелалъ основательно приступить къ дѣлу, то долженъ былъ бы поставить также вопросъ о первоначальномъ появленіи работы. На этотъ вопросъ отвѣчали тѣмъ, что повсюду предполагали началомъ экономическаго развитія такое состояніе, въ которомъ работа считается чѣмъ-то крайне непріятнымъ или, по меньшей мѣрѣ, тягостнымъ. Такое предположеніе могло бы съ успѣхомъ основываться на томъ, что въ различныхъ языкахъ названія работы (*πόνος*, *labor*, *travail*, *arbeit*) первоначально означали нужду, тягость, принужденіе, рабство¹⁾. Этнографія, повидимому, подкрѣпляла эту филологическую аргументацію, указывая на отвращеніе къ труду, какъ на выдающуюся характерную черту первобытныхъ народовъ, и приводя въ доказательство этого положенія многочисленныя свидѣтельства извѣстныхъ изслѣдователей отъ Тацита до новѣйшихъ путешественниковъ по Африкѣ²⁾. „*Paresse et sauvagerie sont synonymes*“—лѣнь и дикость—синонимы. «Ихъ высшее счастье—праздность»; «они ненавидятъ всякую работу». Только крайняя нужда или самое жестокое принужденіе могутъ заставить ихъ приняться за трудъ, къ которому они пытаются непреодолимое отвращеніе, и то лишь тогда, когда нѣтъ другихъ средствъ удовлетворить своимъ потребностямъ.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, этого *horror laboris* (ужаса передъ трудомъ), изслѣдователи пытались найти объясненіе для цѣлаго ряда широко распространенныхъ социальнo-историческихъ явленій, каковы существованіе разбойничьихъ племенъ, рабство, покупка невѣстъ, обремененіе женщинъ работою на первыхъ ступеняхъ культуры. Предполагается, что болѣе сильный принуждаетъ болѣе слабого работать на него, отнимая вооруженной рукой его имущество, или подчиняя его себѣ, чтобы пользоваться продолжительное время его физическими силами. Женщина у грубыхъ народовъ—простое рабочее животное, и въ этомъ качествѣ только и цѣнится. Учрежденіе рабства будто бы играло роль одного изъ важнѣйшихъ «воспитательныхъ средствъ для человѣчества».

Какъ ни убѣдительны эти предположенія, но въ ихъ построеніи все-таки заключаются существенныя пробѣлы. Если допустить, что непреодолимая лѣнь есть древнѣйшее наслѣдіе людей, то какъ вообще могли они подняться выше существованія животныхъ, собирающихъ плоды и выкапывающихъ корни? Разбойничьи народы не находили бы добычи.

¹⁾ G. Cohn, *System der Nationalökonomie*. I. S. 195—единственная извѣстная мнѣ попытка принять во вниманіе точку зрѣнія этого отдѣла.

²⁾ Ср. W. Schneider, *die Naturvölker*. I. S. 254. Lippert, *Kulturgeschichte der Menschheit*, I. S. 38; P. Lafargue, *Le droit à la paresse*, Paris, 1883, а въ настоящее время и G. Ferrero въ *Revue scientifique*, 4-e série, tome 5 (1896), p. 231 ff.

если бы другіе народы не работали и не накапливали запасовъ. Что же касается воспитательнаго значенія рабства, то вѣдь мы считаемъ основнымъ условіемъ всякаго успѣшнаго воспитанія, чтобы воспитатель самъ обладалъ тѣми качествами, какія онъ хочетъ развить въ другихъ. Дѣйствительно, рабство, какъ показываетъ опытъ, вызывало отвращеніе къ труду, дѣлая въ то же время господствующее сословіе необычайно лѣнивымъ. Но, насколько свидѣлствуетъ исторія, мы видимъ повсюду, что оно начинается состояніемъ, когда господинъ и слуга одинаково принимали участіе въ работѣ, хотя дальнѣйшій ходъ эволюціи предоставилъ все бремя труда въ удѣлъ послѣдняго, а наслажденіе его плодами—въ удѣлъ перваго.

Попытку связать возникновеніе и первоначальное развитіе труда съ его противоположеніемъ — «прирожденной лѣностью» людей, мы должны, поэтому, признать неудачной. На самомъ дѣлѣ, это—не что иное, какъ признаваемая всѣми выдумка, *fable convenue*, которая, согласно объясненію болѣе внимательныхъ наблюдателей жизни первобытныхъ народовъ, является совершенно немотивированнымъ примѣненіемъ къ ней социально-этическихъ представленій нашего культурнаго міра. «Дикарь въ общемъ часто выполняетъ работы не меньше, чѣмъ культурный человѣкъ; но работаетъ не равномернымъ образомъ, а скачками, въ зависимости отъ настроенія... Напряженной, равномерной работы—вотъ чего боится дикарь» ¹⁾. Повинуясь впечатлѣніямъ минуты, дикарь берется за самую разнообразную работу и можетъ казаться чрезвычайно дѣловитымъ, но онъ видимо относится не серьезно къ своему дѣлу; онъ не знаетъ различія между игрой и работой, полезной и развлекающей дѣятельностью.

Слѣдующее описаніе англійскаго миссіонера ²⁾ примѣнимо ко всѣмъ первобытнымъ народамъ: «Рѣдко случается видѣть, чтобы новозеландецъ въ своей ежедневной работѣ старательно былъ занятъ однимъ дѣломъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подрядъ. Такъ какъ онъ не умѣетъ правильно цѣнить время, то для него совершенно безразлично—когда то или другое будетъ исполнено. Весь образъ его жизни совершенно произвольный, и ему не можетъ придти въ голову урегулировать свои занятія точнымъ распредѣленіемъ своего времени по часамъ. Слѣдуя во всемъ природѣ,—но только не въ умѣренности, которая также предписывается природой,—онъ ѣстъ до переполненія желудка, какъ только проголодается, ложится спать, какъ скоро почувствуетъ усталость и сонливость, и затѣваетъ пляски и пѣсни, когда подъемъ духа вызываетъ расположеніе къ нимъ».

¹⁾ Ratzel, Völkerkunde. II. S. 120.

²⁾ Nicholas, Reise nach und in Neuseeland (Bertuch'sche Bibl. der wicht. Reisebeschreibungen. XVIII), S. 442.

Это—описаніе жизни, не знающей никакого внѣшняго принужденія, никакого призванія, никакой общественной обязанности, въ которой каждый направляетъ свою дѣятельность лишь согласно непосредственнымъ потребностямъ, и для удовлетворенія этихъ потребностей можетъ разсчитывать только на свой личный трудъ. Эта жизнь, съ нашей точки зрѣнія, лицепалца и плана: въ ней нѣтъ мѣста предусмотрительности, времени для работы и совместной ѣды, упорядоченной смѣны покоя и дѣятельности. Но хотя подобное существованіе и не урегулировано, оно все таки совершенно наполнено; дикарь не промѣняетъ его ни на какое другое ¹⁾. Пока продолжаютъ эти условія существованія, они порождаютъ нравственное отношеніе къ жизни, діаметрально противоположное нашему. Отсюда исходятъ непримиримые контрасты экономическихъ отношеній и нравственныхъ чувствъ, какіе такъ часто замѣчаются въ колоніяхъ между туземцами и переселенцами. Всегда существовало убѣжденіе, что достаточно обучить «дикаря» техникѣ нашего земледѣлія, нашихъ ремеслъ, чтобы быстро поднять его на высоту европейскаго культурнаго хозяйства, и что случаи неудачи объясняются только его злой волей, его дурными наклонностями. Но при этомъ упускалось изъ виду инстинктивное пониманіе первобытнаго человѣка того, что наша культура ничего не можетъ прибавить къ его физическому благосостоянію и что наши нравственные понятія являются для него стѣсненіемъ свободы. Здѣсь мы видимъ объясненіе замѣчательнаго факта, что, послѣ соприкосновенія съ европейцами, продолжавшагося нѣсколько вѣковъ, многіе некультурные народы не сдѣлали ни одного шага впередъ въ хозяйственномъ отношеніи.

«Что касается занятій индѣйцевъ, говорится въ новѣйшемъ описаніи туземцевъ Гвіаны,—²⁾ то само собою разумѣется, что значительно болѣшая часть всѣхъ работъ возложена на женщинъ; царямъ же природы любезнѣе всего бездѣлье, которому предпочтительно и отдаются они, пьянствуя, болтая или лежа въ гамакахъ, и такъ проходитъ ихъ время. дни, годы — вся ихъ жизнь. Только побужденіе къ самосохраненію и давленіе желѣзныхъ требованій природы заставляютъ ихъ самихъ исполнять нѣкоторыя работы, которыя нельзя взвалить на женщинъ. Сюда относятся рыбная ловля и лѣсная охота, постройка хижинъ и деревянныхъ челноковъ (корьяловъ). Индѣецъ не хочетъ и не станетъ исполнять какой-либо регулярной работы; я не думаю, чтобы онъ даже былъ способенъ къ тому. Если бы его принуждали къ ней бичомъ, то онъ умеръ бы, какъ кошка, запряженная въ собачью тачку. Обѣщаніями бутылки или нѣсколькихъ бутылокъ водки, пороха или лекарствъ, которыя индѣецъ охотно-

¹⁾ Ср. остроумныя описанія Пешеля въ его *Völkerkunde* (2 Aufl. S. 155 ff.).

²⁾ Joest, *Ethnographisches und Verwandtes aus Guyana* (Suppl. zu Bd. V des Intern. Arch. f. Ethnogr.), S. 83 f.

употребляетъ, европеецъ еще можетъ заставить его застрѣлить дичь или рыбу и даже, пожалуй, свалить дерево. Но какъ скоро индѣецъ получилъ обѣщанное или проработалъ одинъ день, онъ требуетъ платы, немедленно ее пропиваетъ, ложится въ гамакъ и недѣлю или двѣ не принимается ни за какую работу. Съ такими людьми ничего нельзя предпринять. Между тѣмъ они очень ловкіе рыболовы и охотники, и челноки ихъ съ готовностью покупаются бѣлыми».

«Для охоты на крупныхъ звѣрей служатъ имъ наши орудія и ружья; на черепахъ, рыбъ и даже на дельфиновъ они охотятся съ лукомъ и стрѣлами. Очень хорошія и практичныя весла выдѣлываютъ они изъ кедроваго дерева и затѣйливо украшаютъ ихъ всевозможными рисунками; сплетенные изъ волоконъ листьевъ и стеблей, паруса ихъ выдерживаютъ сильнѣйшіе штормы; но все-таки индѣйцы работаютъ только по нуждѣ или для препровожденія времени».

«Женщины гораздо дѣятельнѣе ихъ. Женѣ индѣйца приходится работать чрезвычайно много. Кромѣ обязанностей матери, кухарки, прачки, пряжи, ткачихи и вообще выючнаго и рабочаго животнаго, она должна заботиться о посѣвахъ и собираніи плодовъ маниока, банановъ, перца и т. п., однимъ словомъ, обо всѣхъ плодовыхъ деревьяхъ и поляхъ, наполняя остатокъ своего времени изготовленіемъ горшковъ, корзинъ, и т. д., выручка отъ которыхъ не всегда пропивается однимъ мужемъ».

Вглядываясь пристальнѣе въ такія картины, мы убѣждаемся, что дикимъ человѣкомъ въ общемъ выполняется, однако, достаточное количество работы, и притомъ не одними женщинами, но и мужчинами. Работа эта совершается только при другихъ импульсахъ и мотивахъ, нежели трудъ культурныхъ людей. Это—работа для удовлетворенія потребности, а не ради заработка, работа, за которой слѣдуетъ не только приобрѣтеніе, но и наслажденіе. И сомнительно даже, чтобы такая работа казалась первобытному человѣку тягостной, такъ какъ она предпринимается имъ добровольно и часто въ размѣрахъ, превышающихъ непосредственную потребность.

Во всякомъ случаѣ, съ технической точки зрѣнія, эта работа кажется намъ чрезвычайно трудной. Три условія при этомъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: несовершенство техническихъ вспомогательныхъ средствъ, сложность процесса работы и очевидно художественно-промышленный характеръ многихъ продуктовъ.

Несовершенство техническихъ вспомогательныхъ средствъ бросается въ глаза въ нашихъ этнографическихъ музеяхъ, гдѣ наряду съ необыкновеннымъ богатствомъ въ сосудахъ, предметахъ украшенія, утвари, плетеньяхъ и тканяхъ, количество и разнообразіе орудій поразительно мало. Насколько художественная промышленность можетъ почерпнуть разнообразныхъ стимуловъ изъ такой коллекціи, настолько незначительна ея поль-

за для техники ¹⁾. По большей части, эти орудія представляют просто приспособленный къ человѣческому употребленію какой либо предметъ, встрѣчающійся въ природѣ (камень, дубина, обыкновенная кость, раковина, рыба кость). Успѣхъ работы почти всецѣло зависитъ отъ ловкости и мускульной силы работника. Техническій прогрессъ прививается крайне медленно, потому что онъ можетъ осуществляться лишь весьма незначительными шагами и потому еще, что облегченіе, доставляемое имъ сравнительно съ прежними приѣмами, слишкомъ ничтожно, чтобы прогрессъ этотъ заслуживалъ примѣненія. Ничто, поэтому, не можетъ быть неосновательнѣе тѣхъ научныхъ построений, которыя связываютъ начало новыхъ культурныхъ эпохъ съ появленіемъ гончарнаго искусства или искусства обработки желѣза, изобрѣтеніемъ плуга и ручныхъ мельницъ. Народы, умѣющіе выдѣлывать топоры и даже дула изъ желѣза, до сихъ поръ еще употребляютъ деревянные копья и стрѣлы ²⁾ или обрабатываютъ поле деревянными лопатами, хотя у нихъ нѣтъ недостатка въ рабочемъ скотѣ, который могъ бы тянуть плугъ. Послѣдній вообще неизвѣстенъ настоящимъ дикимъ народамъ ³⁾. Первобытное сельское хозяйство негровъ и полинезійцевъ, жителей южной Азіи и индѣйцевъ—въ сущности, интенсивное садоводство ⁴⁾.

„Весьма странно“, пишетъ Маккей ⁵⁾, бывший инженеръ, а впослѣдствіи миссіонеръ, прожившій четырнадцать лѣтъ въ восточной Африкѣ, «что туземцы всѣхъ племенъ внутренней Африки не знаютъ другого способа соединять деревянные части, кромѣ обыкновеннаго связыванія. При этомъ они держатся до сихъ поръ весьма труднаго выдалбливанія стволъ. Весла имъ не извѣстны: ложковидными кусками дерева подвигаютъ они лодку впередъ. Разумѣется, это требуетъ большого напряженія силъ, такъ какъ туземцы ничего не знаютъ о рычагѣ или какомъ либо подобномъ способѣ сбереженія труда. Каждая работа преодолевается ими грубымъ напряженіемъ силъ; оттого люди раньше времени становятся обезсиленными, не умѣя распоряжаться своими силами. Тамъ рѣдко можно встрѣтить старика или старуху. Ихъ силы истощаются уже въ среднемъ возрастѣ, и затѣмъ они умираютъ. Здѣсь нѣтъ недостатка въ металлѣ, изъ котораго туземцы могли бы готовить себѣ орудія. Желѣзо находятъ почти повсюду; но только мотыки, копья и наконечники

¹⁾ Подробности объ орудіяхъ дикихъ народовъ см. Ratzel, Volkerkunde. I. S. 86. 233. 478. 502.

²⁾ Alexander M. Mackay, Pionier-Missionar von Uganda. Von seiner Schwester, Leipzig 1891. S. 196.

³⁾ Ratzel. S. 86.

⁴⁾ Достойная вниманія иллюстрація къ неисторическому характеру ученія Рикардо о земельной рентѣ и теоріи Тюнена.

⁵⁾ S. 72.

стрѣль приготовляются изъ него; это производится съ большой затратой силы и самымъ простѣйшимъ способомъ».

Недостаточностью орудій и незнакомствомъ съ производительными приемами труда объясняется, почему у отдѣльныхъ дикихъ народовъ нѣкоторыя техническія искусства находятъ такое широкое распространеніе, въ особенности, искусство плетенія, гончарное дѣло, выдѣлка кожъ и войлоковъ и рѣзба по дереву, тогда какъ другіе промыслы находятся въ совершенно зачаточномъ состояніи. Этой же причинѣ надо приписать сложнѣйшіе процессы работы еще на весьма ранней ступени экономического развитія. Припомнимъ только воздѣлываніе и обработку риса, маиса, дурры, пшеницы, молотбу, чистку, лущеніе зерна, перемалыванье на ручныхъ мельницахъ, печенье хлѣба, кропотливое приготовленіе корня маниока у южныхъ американцевъ ¹⁾, далѣе обработку волокнистыхъ веществъ, пряденіе и тканье, изготовленіе матеріала для одежды изъ коры, плетеніе не только циновокъ и корзинъ, но и водонепроницаемыхъ блюдъ и бутылокъ, выдалбливаніе изъ древесныхъ стволовъ челноковъ и ступокъ—всю эту цѣпь крайне продолжительныхъ и утомительныхъ дѣйствій, предполагающихъ въ каждомъ отдѣлѣ большую ловкость и всестороннее упражненіе,—и мы легко убѣдимся, что на этой низшей ступени культурнаго развитія жизнь человѣка не можетъ проходить въ праздности. Чтобы добыть пеньки и льна и приготовить изъ нихъ грубую ткань, требуется около двадцати различныхъ операций, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напр., выдергиванье, трепаніе, пряденіе, тканье, крайне утомительны. Приготовленіе маисовыхъ лепешекъ, замѣнявшихъ перуанцамъ хлѣбъ, было такъ трудно и продолжительно, что у занимавшихся этимъ женщинъ едва доставало времени для другихъ работъ, чѣмъ пытались даже объяснить многоженство у этого народа ²⁾. Тканье изъ волоконъ Рафа на Мадагаскарѣ подвигается такъ медленно, что нерѣдко проходятъ цѣлые мѣсяцы, пока послѣтъ одинъ кусокъ ткани ³⁾. Уоллесъ опредѣляетъ однимъ дюймоу ежедневное приращеніе узкой ткани (саронгъ) сельской ткачихи въ южной части Селебеса. Въ восточной Африкѣ ткачъ работаетъ не больше трехъ часовъ въ день, и ему нужно недѣлю, чтобы приготовить одинъ кусокъ матеріи ⁴⁾. Сѣвероамериканскій индѣецъ употребляетъ нѣсколько лѣтъ, чтобы выдолбить изъ дерева челнъ: дерево иногда начинаетъ гнить прежде, чѣмъ вещь будетъ окончена ⁵⁾.

¹⁾ Joest, S. 84. K. von den Steinen, Unter den Naturvölkern Central-brasiliens. S. 60. 210. 490. Ratzel, I. S. 509.

²⁾ Ratzel, I, S. 604.

³⁾ Ratzel, I, S. 423 и 399.

⁴⁾ Andree, die Expeditionen Burton's und Speke's von Zanzibar bis zum Tanganyika und Nyanza See. S. 342.

⁵⁾ Ferrero, S. 332.

Медленность, съ которой дикари подвигаютъ свою работу, такъ велика, что одинъ наблюдатель сравнилъ движеніе ихъ производствъ съ ростомъ растений. Это также приписывали ихъ лѣности, не соображая, какъ неблагоприятны условія, при которыхъ производится ихъ работа. Вездѣ приходится работать плохо или даже вовсе невооруженной рукой, что требуетъ въ высшей степени того свойства, котораго болѣе всего недостаетъ дикому человѣку, именно: терпѣнія.

Странное противорѣчіе этимъ наблюденіямъ представляетъ непреложный фактъ, что дикіе народы исполняютъ чрезвычайно много, по нашимъ понятіямъ, совершенно ненужной работы. Едва ли мы скажемъ лишнее, утверждая, что ни одна жизненная потребность не вызываетъ у нихъ такой массы утомительнаго труда, какъ потребность украшенія: прическа волосъ, раскрашиваніе тѣла. татуировка, изготовленіе безчисленнаго множества мелочей, которыми они убираютъ члены своего тѣла. Ту же склонность къ затѣйливымъ украшеніямъ проявляютъ они при изготовленіи почти всѣхъ предметовъ обычнаго употребленія. Орнаменты орудій первобытныхъ народовъ удивительно богаты содержаніемъ, хотя въ то же время необыкновенно трудны, что, однако, не мѣшаетъ имъ находить самое обширное примѣненіе.

Загадочность этого явленія объясняется довольно просто. Такъ же, какъ украшеніе тѣла для первобытнаго человѣка служить единственнымъ средствомъ, которымъ онъ выдѣляется изъ массы подобныхъ себѣ, вырисовывается, въ прямомъ смыслѣ этого слова, каждое издѣліе его руки становится принадлежностью его личности. Такъ какъ обыкновенно каждый предназначаетъ свой продуктъ для собственнаго употребленія, то удовольствіе и честь обладанія имъ сообщается душѣ работающаго и тѣмъ болѣе ободряетъ его переносить всю тягость труда, чѣмъ ближе онъ подходитъ къ концу. Этотъ продуктъ и самъ носить ясно выраженную печать индивидуальности, смотря по свойству, происхожденію и назначенію; какъ воплощеніе индивидуальной работы и какъ приспособленіе для жизни, предметъ этотъ становится принадлежностью лица, создавшаго его. У нѣкоторыхъ народовъ погребается съ покойникомъ все его движимое имущество; собиратели предметовъ для этнографическихъ музеевъ въ началѣ повсюду наталкиваются на непреодолимое нежеланіе отчуждать предметы ежедневнаго употребленія—нежеланіе, проявляющееся даже по отношенію къ такимъ вещамъ, которыя легко воспроизводятся безъ большой затраты труда.

Въ этой постоянной общности производителя и продукта заключается, безъ сомнѣнія, моментъ, способствующій развитію культуры и облегчающій тяжесть труда. То, что испытываетъ теперь живописецъ, скульпторъ, поэтъ, ученый, благодаря произведенію, приносящему имъ славу, перво-